

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЧЕТ И ЗАЧЕТ, ПРОИЗВОДИМЫЙ ПРИ УДОВЛЕТВОРЕНИИ СУДОМ ВСТРЕЧНОГО И ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ИСКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СХОДСТВЕ И ОТЛИЧИЯХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ (продолжение)*

Д.Б. АБУШЕНКО,

доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева

<https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-6-15-42>

В статье автором продолжено проведение разграничения между гражданско-правовым зачетом и зачетом, производимым при удовлетворении судом встречного и первоначального исков. Рассматриваются вопросы, связанные с систематизацией изъятий из общего правила об обязательности судебного признания для суда. В частности, предлагается отступить от общего правила об обязательности судебного признания в случаях, когда требуется защита публичного интереса. Кроме того, в работе предложены правовые механизмы, обеспечивающие изъятия, направленные на пресечение недобросовестного поведения спорящих сторон. Для случаев, когда имеется иная дефектность утверждения или судебного признания (пороки формы и содержания, отсутствие процессуальной дееспособности, а также пороки воли и волеизъявления), обосновано выделение специфических правовых последствий, учитывающих, в частности, характер сделанного признания, прямые нормативные запреты, наличие в действиях сторон антисоциального мотива или цели, предпосылки для квалификации судебного признания в качестве антиципированного, перспективный или ретроперспективный характер утраты материальной дееспособности, а также характер ошибки в юридической квалификации фактов (правоотношений) и осведомленность противоположной стороны о такой ошибке. Отдельно рассмотрены

¹ Начало см. в № 6 за 2020 г., № 2, 4 за 2021 г. и № 1 за 2022 г. «Вестника гражданского процесса».

вопросы правового эффекта оговорок, обмолвок, описок, опечаток и арифметических ошибок для случаев, когда подобные дефекты являются односторонними (исходящими либо от истца, либо от ответчика) и двусторонними.

Ключевые слова: гражданско-правовой зачет; зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков; судебное признание; публичный интерес; добросовестность; порок формы; порок содержания; порок субъектного состава; пороки воли и волеизъявления.

**CIVIL-LAW SET-OFF AND SET-OFF MADE
WHEN THE COURT SATISFIES COUNTERCLAIMS AND INITIAL CLAIMS:
THEORETICAL REFLECTIONS ON THE SIMILARITIES
AND DIFFERENCES OF LEGAL INSTITUTIONS
(continuation)**

D.B. ABUSHENKO,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Civil Procedure,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

In the article, the author continues to distinguish between the civil-law set-off and the offset made when the court satisfies the counterclaim and initial claims. The issues related to the systematization of exceptions from the general rule on the obligation of judicial recognition for the court are considered. In particular, it is proposed to depart from the general rule on the obligation of judicial recognition in cases where protection of public interest is required. In addition, the paper proposes legal mechanisms that provide exemptions aimed at suppressing the unfair behavior of the disputing parties. For cases where there is another defect in the approval or judicial recognition (defects in form and content, lack of civil procedure legal capacity and capacity to act, as well as defects of will and expression), the allocation of specific legal consequences is justified, taking into account, in particular, the nature of the recognition made, direct regulatory prohibitions, the presence of an antisocial motive or purpose in the actions of the parties, prerequisites for the qualification of judicial recognition as an anticipatory one, the prospective or retrospective nature of the loss of financial capacity, as well as the nature of the error in the legal qualification of facts (legal relations) and the awareness of the opposite party about such an error. The issues of the legal effect of reservations, omissions, descriptions, typos and arithmetic errors are considered separately for cases when such defects are unilateral (coming either from the plaintiff or from the defendant) and bilateral.

Keywords: civil-law set-off; set-off made when the court satisfies counterclaims and initial claims; judicial recognition; public interest; good faith; defect of form; defect of content; defect of subject composition; defects of will and expression.

2.2.6.3. Изъятия из общего правила об обязательности судебного признания, обеспечивающие защиту публичного интереса

Изложенные выше доводы относительно необходимости контроля за судебным признанием для случаев, когда обеспечивается защита предполагаемого интереса иного лица в защите субъективного права, в общем и целом применимы и к защите публичного интереса.

В отношении зачета фавулу, в рамках которой могли бы быть затронуты публичные интересы, смоделировать несложно. Предположим, что в суде рассматривается иск частного лица к муниципальному образованию о взыскании оплаты за выполненные работы. Одновременно между указанными субъектами заключен договор купли-продажи муниципального имущества, по которому наступил срок оплаты. Ответчик (муниципальное образование), являясь продавцом и считая себя легитимным кредитором по активному денежному требованию, вполне логично защищается от предъявленного иска зачетом. Истец-компенсат в суде признает факт прекращения активного и пассивного обязательств. Каким образом в этой ситуации могут быть нарушены публичные интересы? Это, в частности, произойдет, если суд установит, что приватизация муниципального имущества производится способом, не предусмотренным законом. Действительно, если заключенный договор купли-продажи муниципального имущества является ничтожной сделкой, то ни заявление о зачете ответчика-компенсанта, ни признание истца-компенсанта правового значения не имеют. Суд, установив такую ничтожность, обязан проигнорировать зачет и последующее судебное признание и, по сути, встать на защиту публичного интереса. Да, подобная защита будет носить в известной степени косвенный характер (все же основная цель у суда в обсуждаемом примере – это рассмотрение спора о взыскании оплаты за выполненные работы). И тем не менее можно однозначно утверждать, что констатация ничтожности сделки по отчуждению муниципального имущества выступает безусловным основанием для того, чтобы отступить от общего правила об обязательности судебного признания и защитить именно публичный интерес.

Отметим также, что защита публичного интереса должна производиться безотносительно к тому, участвует в деле какое-либо лицо, защищающее публичные интересы, или нет.

2.2.6.4. Изъятия из общего правила об обязательности судебного признания, направленные на пресечение недобросовестного поведения спорящих сторон

Нужно ли в принципе создавать какие-то отдельные, точечные механизмы, которые были бы рассчитаны на пресечение злоупотреблений именно приме-

нительно к институту судебного признания¹? Имеются ведь некие общие правовые инструменты (отказ в иске для недобросовестного истца, отнесение судебных расходов на злоупотребившую сторону независимо от итогов разрешения материально-правового спора и т.п.). Полагаем, для случая злоупотребления судебным признанием такая необходимость есть. Обосновывается это тем, что принятие судебного признания повлечет фиксацию определенного обстоятельства без исследования и оценки иных доказательств. И если целью стороны как раз и было избежание «обычной» процедуры доказывания, если сторона сознательно намеревалась получить судебный акт с указанием, скажем, на несуществующее обстоятельство, то было бы странно, если бы суд де-факто потворствовал подобному порочному поведению. В конечном счете здесь бы не только страдали интересы правосудия (которое, в сущности говоря, просто использовалось бы в неблагоприятных целях), но и вводились в заблуждение иные участники оборота. Причем для некоторых случаев эта «юридическая мистификация» имела бы и весьма конкретное правовое продолжение (например, если в отдельном судебном деле признан какой-либо выгодный факт для кредитора в деле о несостоятельности или, к примеру, если на установленный посредством признания факт потом ссылались бы в рамках института преюдиции в другом судебном споре).

В то же время общий вывод о необходимости оперативного пресечения злоупотреблений в вопросах судебного признания ставит несколько вопросов.

Первый связан с самой механикой судебного признания: следует ли оценивать злоупотребления только лишь применительно к признанию или же в сферу контроля нужно включать также и утверждение процессуального оппонента? В более практическом плане этот вопрос сводится к тому, как должен поступать суд в случаях, когда злоупотребление есть только в утверждении. К примеру, ответчик-компенсат, направив уведомление о зачете, ссылается на прекращение встречных обязательств. Для суда очевидно, что в действиях такого ответчика имеется злоупотребление, но истец-компенсат признает данный факт, и упрекнуть его в недобросовестности невозможно. Следует ли в итоге суду считать

¹ Отметим, что далеко не всеми авторами добрая воля рассматривается как необходимое условие для принятия судебного признания. Например, Т.М. Яблочков в рамках отстаиваемой им концепции судебного признания как средства доказывания указывает, что «справедливый результат... как реkvизит судебного признания может быть нами достигнут и без помощи опасного учения о «доброй воле»» (Яблочков Т.М. Материальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 3. С. 137). Возможно, что именно для случая, когда судебное признание выступает обычным средством доказывания, и не требуется погружения в нюансы, связанные с добросовестностью, – суд ведь все доказательства оценивает по внутреннему убеждению, которое формально вообще не урегулировано. И в этот «котел» вполне может попасть и соответствующим образом «перевариться» в сознании судьи в том числе и наличие у стороны негодной цели. Однако для распорядительной теории обращение к теоретическим вопросам доброй совести неизбежно – если мы допускаем обязательность для суда волеизъявления стороны, то, конечно, требуется четко обозначить границы, за пределами которых суд вправе проигнорировать эту волю и установить обстоятельство по общим правилам доказывания.

обстоятельство установленным? Полагаем, что рассматриваемый случай должен давать суду полномочия для пресечения недобросовестного поведения. Да, здесь будет определенная специфика – правовые последствия злоупотребления возникнут лишь при «процессуальной акцептации», исходящей от добросовестного оппонента. Однако в общем и целом нет никаких видимых причин для того, чтобы не замечать недобросовестное поведение только лишь потому, что другая сторона соглашается с вытекающими из него правовыми последствиями.

Итак, полагаем, что применительно к судебному признанию злоупотребления возможны как со стороны признающего, так и со стороны утверждающего. Само собой, возможен и третий вариант – когда обе стороны ведут себя недобросовестно.

Еще один вопрос сводится к тому, следует ли квалифицировать утверждение и признание ложного факта всегда как злоупотребление. Здесь мы, конечно, неминуемо затрагиваем проблематику допустимости лжи в состязательном процессе. Понятно, что если исходить из категорического требования для лиц, участвующих в деле, говорить правду и ничего кроме правды, то ответ может быть только одним: сообщение сведений, не соответствующих действительности, необходимо пресекать, а потому независимо от цели, которую сторона преследует при этом, независимо от наличия в ее действиях признаков недобросовестности, суд всегда должен игнорировать сделанное признание и устанавливать обстоятельство на общих основаниях¹. Впрочем, концептуально доктрина обязательности правдивого поведения в вопросах факта вообще не оставляет места для судебного признания как распорядительного действия.

Не погружаясь в анализ *pro* и *contra* допустимости лжи в состязательном процессе², мы все же в дальнейшем будем исходить из того, что сторона в гражданском состязательном процессе не может быть принуждена сообщать во вред себе некую информацию и, более того, наделена правом ссылаться на обстоятельства, которых в действительности не было. Соответственно, вполне допустимы ситуации, когда утверждение или признание ложного факта диктуются такими

¹ Удивительно, но даже в исследованиях раннего советского периода у некоторых авторов, например у Д.И. Полумордвинова, можно найти обоснование тезиса о «двойственной природе признания» и, как следствие, вывод о том, что «в советском гражданском процессе сторона путем признания может распорядиться фактами, т.е. давать ложные показания о фактах, а суд вправе такие показания положить в основу своего решения» (к сожалению, нам не удалось отыскать первоисточник – кандидатскую диссертацию Д.И. Полумордвинова «Признание стороны в гражданском процессе», поэтому данные идеи излагаются в интерпретации С.В. Курылева (см.: Курылев С.В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе / Курылев С.В. Избранные труды. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. С. 150)).

² О проблеме допустимости лжи в гражданском процессе см., например: Бугаевский А. Ложь в гражданском суде // Право: Еженедельная юридическая газета. 1909. № 12. С. 733–742; Розин Н. Ложь в процессе // Право: Еженедельная юридическая газета. 1910. № 48. С. 2898; Медведев И.Р. О науке гражданского процесса: эссе. Ответственность сторон за ложные объяснения в суде: научное исследование. М.: Волтерс Клувер, 2006; Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2009. С. 132–136.

мотивами, которые не преследуют причинение вреда другим участникам оборота, нарушение публичного интереса, получение преимуществ в иных судебных делах или другой неблагоприятной цели. И тогда перед судом встает довольно сложная задача: предполагая, что сторона или стороны пытаются ввести его в заблуждение относительно действительных обстоятельств дела, он тем не менее не должен сразу же пресекать подобные действия – прежде всего суду надлежит разобраться в действительных мотивах, которые двигают сторонами. К примеру, если ответчик соглашается с утверждением истца и великодушно признает факт наличия задолженности в большем размере, нежели это подтверждается иными доказательствами, суду не следует сходу объявлять сторонам, что размер обязательств будет устанавливаться по общим правилам доказывания. Вполне ведь допустимо, что ответчик выстраивает свою позицию на наличии давностной защиты, – по этой причине какие-то расхождения в размере для него не имеют принципиального значения, он просто не желает, скажем, обращения к судебной экспертизе и затягивания судебного спора, предполагая вынесение выгодного для себя судебного решения именно на основании истекшего срока исковой давности.

Более того, сознательное искажение факта, имевшего место в прошлом, может быть связано с предложенным нами выше институтом переквалификации произведенного ранее исполнения¹. Понятно, что сама по себе она не может снять вопрос о возможной недобросовестности (например, если такая переквалификация имеет целью прекратить одно обязательство, «реинкарнировав» долг для другого, в котором имеется пассивная множественность, то вполне можно ставить вопрос о нарушении прав солидарного должника). Однако если злоупотребление не усматривается, то было бы странным отказывать сторонам в подобном «оперировании» ранее имевшими место фактами².

Наверное, самым дискуссионным вопросом применительно к рассматриваемой тематике будет вопрос о том, может ли иметь место злоупотребление в случае, когда лицо признает истинный факт. Здесь бы мы выделили две ситуации.

Первая касается так называемых притворных процессов, в которых, по сути, рассматривается несуществующий спор³. Стороны, находясь в сговоре, пресле-

¹ См. разд. 2.2.1 «Общие вопросы».

² Безусловно, могут быть и иные случаи, когда сторона признает несуществующий факт, действуя абсолютно добросовестно. И поэтому категоричное требование закона игнорировать судебное признание, если оно совершено в целях сокрытия «определенных фактов» (ч. 4 ст. 70 АПК РФ), «действительных обстоятельств дела» (ч. 3 ст. 68 ГПК РФ), поддержано быть не может.

³ Е.В. Васьюковский, рассматривая явление симуляции, выделял такую ее разновидность, как «симуляция сторон без участия суда» (Васьюковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Бр. Башмаковы, 1913. С. 667). Видимо, автор имел в виду как раз так называемые притворные процессы.

Подробнее о теоретическом обосновании данного феномена в немецкой процессуальной доктрине см.: Аболонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 132–134.

дуют какую-то общую цель (например, супруги в судебном порядке делят имущество на основании брачного договора, заключенного с целью избежания обращения взыскания на ликвидный актив, параллельно предъявляя друг к другу какие-то денежные требования¹). И понятно, что в рамках такого спора могут иметь место признания, абсолютно соответствующие действительности. Должен ли суд при обнаружении недобросовестности обеих сторон игнорировать сделанное признание и предлагать доказать факт на общих основаниях? На наш взгляд, здесь вполне можно было бы наделить правоприменителя дискреционным полномочием самому разрешать, нужно считать факт установленным или нет: в конце концов главной санкцией для недобросовестных сторон станет итоговый судебный акт, которым будет отказано в судебной защите².

Вторая же ситуация более сложная: никакого сговора между сторонами нет, один из процессуальных оппонентов признает реально существующий факт. Можно ли здесь допустить злоупотребление? Предположим, истца-компенсата представляет работник, знающий о том, что в скором времени он будет уволен. Этот представитель, считая свое будущее увольнение несправедливым, движимый желанием как-то отомстить работодателю, признает факт прекращения обязательств на основании направленного ответчиком-компенсантом уведомления. Разумный представитель истца в похожей ситуации продолжил бы судебное состязание, например, исходя из того, что у противостоящей стороны недостаточно доказательств для подтверждения встречного права требования, и, вполне возможно, добился бы выигрышного результата (при недоказанности наличия встречного требования суд бы вынес решение об удовлетворении иска). Как же в итоге должен поступать правоприменитель в подобной ситуации? Ведь сам по себе факт недобросовестности представителя в предложенной фабуле для него может быть более чем очевиден (скажем, если в следующем заседании истца представляло иное лицо, которое раскрыло истинную подоплеку признания). На наш взгляд, в этой и схожих ситуациях необходимо исходить из того, что вывод об истинности какого-либо утверждения хронологически может быть сделан лишь после того, как суд провел некую исследовательскую деятельность. Иначе говоря, на момент заявления стороной о признании конкретного факта правоприменитель не может располагать достоверным знанием о том, было или нет в действительности конкретное обстоятельство. А раз так, то и возможное наложение злоупотребления на признание в том числе и истинного факта может обнаружиться значительно позднее. И по этим соображениям полагаем, что выявленная недо-

¹ Налицо, по меткому выражению Т.М. Яблочкова, «попытка сторон превратить суд в нотариальную контору» с «преступной целью» (Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 95).

² Е.В. Васьяковский предлагал для подобных случаев иной подход: «Поэтому, обнаружив симулятивный характер иска, суд должен оставить его без рассмотрения за отсутствием действительного искового требования («спора»), подлежащего рассмотрению судебных учреждений» (Васьяковский Е.В. Указ. соч. С. 668).

бросовестность стороны при совершении признания должна пресекаться независимо от того, какой вывод в дальнейшем мог бы быть сделан о признанном обстоятельстве. Логическим следствием из этого является игнорирование совершенного признания и установление факта по общим правилам доказывания.

Наконец, последнее, на что необходимо обратить внимание, – это сопряжение злоупотребления с рассмотренным ранее механизмом, обеспечивающим защиту прав иных лиц. Можно предположить, что довольно часто сама негодная цель как раз и будет состоять либо в прямом нарушении прав других субъектов, либо же в создании некой правовой ситуации, которая в будущем могла бы быть использована против них. Здесь, по сути, происходит своеобразное слияние разных оснований для изъятия из общего правила об обязательности судебного признания для суда. Полагаем, никакого особого кумулятивного эффекта возникать в подобных случаях не должно: последствие в виде обращения к общим правилам доказывания возникает как при раздельном установлении одного из оснований, так и при совокупном. Это, однако, не снимает с суда обязанности мотивировать в промежуточном определении наличие обоих оснований – вполне возможно, что в дальнейшем факт недобросовестного поведения повлечет и какое-то из общих последствий (например, вынесение судебного решения об отказе в удовлетворении исковых требований).

2.2.6.5. Изъятия из общего правила об обязательности судебного признания, основанные на иных случаях дефектности утверждения или судебного признания

Для целей анализа некоторых иных дефектов судебного признания разделим последние на две условные группы:

- 1) первая охватывает так называемые материально-процессуальные признания¹;
- 2) вторая же включает судебные признания, влекущие исключительно процессуально-правовые последствия.

Первая группа имеет, условно говоря, гражданско-правовую составляющую. Общая логика подталкивает к тому, что выработанные цивилистикой подходы к основаниям недействительности сделок должны быть в полной мере применимы и здесь. В противном случае создавалась бы своеобразная правовая лакуна, в которой был бы принципиально иной правовой режим, по сути, для тех же самых правовых явлений. Проведем аналогию с мировым соглашением: если внутри него находится гражданско-правовая сделка, то положения о недействи-

¹ Выше мы предложили эту конструкцию применительно к квалифицированному признанию для случая, когда стороной признается факт, совпадающий содержательно с утверждением оппонента, но при этом имеется расхождение, которое касается объекта правоотношения (см. разд. 2.2.2.2 «Расхождение в субъекте или объекте правоотношения»). Материально-процессуальный эффект судебного признания равным образом проявляется и тогда, когда само признание приводит к конвалидации сделки (см. разд. 2.2.5 «Конвалидирующий эффект судебного признания»), а также при переквалификации произведенного ранее исполнения (см. разд. 2.2.1 «Общие вопросы»).

тельности сделок, установленные гражданским законодательством, в равной мере следует применять и к ней (не могут ведь стороны получить некую льготу в виде игнорирования возможных дефектов только потому, что сама сделка находится внутри процессуальной конструкции).

Вторая группа требует отдельного обсуждения, поскольку для нее механический перенос оснований недействительности гражданско-правовых сделок вряд ли возможен. Объясняется это тем, что судебное признание, рассматриваемое как сугубо процессуальное явление, встраивается исключительно в публичное правоотношение с участием суда, при этом его функциональное назначение ограничивается лишь доказательственной сферой. Впрочем, выводы, сделанные для второй группы, в полной мере применимы и к первой (двойственная природа признаний, включаемых в первую группу, охватывает в том числе и процессуально-правовые последствия, поэтому логика такого распространения очевидна).

Итак, в дополнение к вышеизложенным кратко рассмотрим некоторые другие дефекты, которые может иметь судебное признание и корреспондирующее ему, сделанное по общему правилу хронологически раньше, утверждение.

Начнем с *пороков формы*. Ранее мы указали, что судебное признание факта следствия должно производиться исключительно письменно¹. Следовательно, устное признание факта прекращения встречных требований суду следует игнорировать: правоприменителю необходимо разъяснить истцу-компенсату, что для того, чтобы его признание повлекло освобождение от доказывания, ему требуется изложить свое признание в письменной форме.

В то же время по общему правилу нет необходимости распространять требование о письменной форме на утверждение. Дело в том, что чаще всего позиция ответчика-компенсанта будет основываться на совокупности письменных доказательств. Например, утверждая, что наличествует активное обязательство, ответчик-компенсант в большинстве случаев будет представлять письменный договор. Или, скажем, ссылаясь на факт направления уведомления о зачете, ответчик-компенсант будет прилагать соответствующее письменное уведомление и доказательства его отправки (вручения). С этих позиций суд, как правило, без труда установит содержание того обстоятельства, на которое ссылается сторона, и обязывать ее еще и письменно изложить свои доводы, видимо, излишне. Впрочем, не исключены и какие-то более сложные случаи (к примеру, если речь идет о зачете возможных убытков, то весьма вероятно, что потребуются письменный расчет). Поэтому наиболее верным было бы отдать вопрос о форме утверждения на усмотрение суда. Понятно при этом, что суду не следует умалчивать о том, достаточно ли устного заявления (для сторон не должен становиться сюрпризом отказ в принятии судебного признания только лишь потому, что ответчик-компенсант не изложил свое утверждение письменно).

¹ См. разд. 2.2.1 «Общие положения».

Теперь обратимся к порокам содержания.

Во-первых, такие пороки могут вытекать из *прямых нормативных запретов*¹. Безусловно, можно отдельно обсуждать разумность подобных запретов. С одной стороны, ими пресекаются возможные злоупотребления недобросовестных представителей, что обеспечивает повышенную защиту определенных интересов (например, это может относиться к судебной защите субъективных прав и законных интересов недееспособных), – суд ведь не всегда способен распознать недобросовестное поведение. С другой же стороны, как некое универсальное правило они, по сути, ограничивают сторону в использовании процессуального инструментария. Здесь нельзя исключать случаи, когда из-за этого или иного схожего запрета станет невозможным, скажем, заключение выгодного для обеих сторон соглашения по фактическим обстоятельствам или мирового соглашения.

Во-вторых, порок содержания может обнаружиться вследствие *антисоциального мотива или цели*, которую преследуют одна или обе стороны. Оговоримся: речь не идет об оценке самого утверждаемого или признаваемого факта. Последний вполне может носить нравственно-порицаемый характер – процедура доказывания предполагает беспристрастное установление обстоятельств прошлого, а их правовая оценка (в том числе и для случаев, когда закон придает юридическое значение сугубо моральной составляющей правового явления) – это дело уже последующего этапа судебной деятельности. Скажем, если ответчик-компенсат в качестве основания своего встречного требования указывает обязательство из договора, по которому он для истца-компенсата выполнил курсовую работу, а истец-компенсат признает данный факт, то суд, конечно, не должен игнорировать признанное обстоятельство. В последующем же правоприменителю следует дать правовую оценку такому договору и уже в зависимости от этого разрешать вопрос о возникновении требования по оплате и возможном прекращении встречных обязательств.

Однако могут ли иметь самостоятельное значение для института судебного признания именно антисоциальный мотив или цель? Выше мы уже обратили вни-

¹ Действующее российское законодательство в этом плане не иллюстративно. Тем не менее в качестве примера можно привести нормативный акт, который был адресован судебным представителям Министерства обороны РФ: «Назначенным представителям Министерства обороны запретить признавать в судебных разбирательствах суммы основного долга в отношении Министерства обороны» (п. 1 приказа Министра обороны РФ от 6 октября 2005 г. № 400 «О состоянии работы по защите прав и законных интересов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, органов военного Управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации в судах и мерах по ее совершенствованию в Вооруженных Силах Российской Федерации»; на данный момент указанный приказ отменен – см. приказ Министра обороны РФ от 21 октября 2008 г. № 533 «О Приказах Министра обороны Российской Федерации по вопросу организации в Вооруженных Силах Российской Федерации работы по представлению интересов Министерства обороны Российской Федерации в судах»).

мание на то, что на момент заявления стороной о признании конкретного факта суд не может располагать достоверным знанием о том, было или нет в действительности конкретное обстоятельство¹. Поэтому наиболее простое решение – ответить на поставленный вопрос, оперируя разделением судебных признаний на признания существующих и несуществующих фактов, – противоречило бы общей логике судебного доказывания. Но вообще проигнорировать обсуждение самой возможности того, что, руководствуясь антисоциальным мотивом (преследуя антисоциальную цель), сторона или стороны могли бы добиться искомого правового результата в виде констатации несуществующих фактов в судебном решении, категорически нельзя.

Итак, начнем с того, что ранее мы уже высказались за допустимость для сторон ссылаться на обстоятельства, которых в действительности не было, сделав, правда, некоторые оговорки². Сама по себе ложь в суде хоть и является допустимой, однако диктуется прежде всего состязательным началом и недопустимостью императивного требования свидетельствовать против себя. Да, спор о фактах прошлого – это, конечно, не полноценная научная дискуссия, но и она имеет свои правила и границы. Для цивилистического процесса ложь, на наш взгляд, должна иметь два ограничителя: *субъектный* (распространяться только на факты с участием самих спорящих сторон) и *содержательный* (касаться исключительно правоотношений, которые связывают процессуальных оппонентов). Любые отклонения здесь способны привести к нарушению прав других лиц или публичного интереса. Однако помимо собственно правовых ограничителей лжи могут существовать и иные. Когда утверждающим или признающим двигает порочный мотив, когда им преследуется антисоциальная цель, тем самым дискредитируется сама состязательная процедура. Суд становится не органом, который должен рассмотреть материально-правовой спор, а, по сути, местом сведения счетов, местом, где может быть реализовано нравственно-порицаемое поведение. И тогда вполне закономерно встает вопрос о механизмах, которые бы воспрепятствовали этому. К примеру, в последние десятилетия распространенным способом привлечения внимания к публичной персоне является создание некоего скандального информационного повода. В некоторых случаях для усиления эффекта используется обращение в суд. И понятно, что «разогрев» публики будет тем сильнее, чем более скандальные подробности обнаружались в ходе судебного производства. Для этих целей стороны вполне могут ссылаться и признавать как действительные, так и несуществующие обстоятельства. Суд в подобных ситуациях оказывается в крайне непростом положении: если дело возбуждено, то даже очевидность антисоциальных мотивов (целей), которыми руководствуется (пре-

¹ См. разд. 2.2.6.4 «Изыятия из общего правила об обязательности судебного признания, направленные на пресечение недобросовестного поведения спорящих сторон».

² Там же.